

© 1999 г. О.Н. ТРУБАЧЕВ

СЛАВИСТИКА НА XII МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

(КРАТКИЙ ОБЗОР)

В конце августа – начале сентября 1998 года в Кракове (Польша) прошел XII Международный съезд славистов, последний в XX веке¹. Он собрал славистов из сорока одной страны. Условность последней цифры в том, что делегации стран были порой несоизмеримы – сто человек из России и по одному – из Азербайджана, Испании или Южно-Африканской республики. Собственно, в делегации России был сто один человек, она уступала количественно только делегации Польши (что вполне естественно, так как Польша – страна-организатор). Впрочем, превосходство нашей делегации было отнюдь не только количественным. И это требуется отметить сразу, хотя подробности будут приведены потом. В общей сложности на нынешний съезд съехались свыше 1200 человек. Огромность сосредоточившегося научного потенциала явствует из того факта, что собравшимся предстояло выслушать около 900 докладов, не говоря о многочисленных выступлениях в так называемых тематических блоках, кстати, впервые введенных именно на этом съезде! Изменчивость этих данных объясняется тем, что некоторые запланированные докладчики все же по разным причинам не смогли приехать на съезд; определенная и, по-видимому, неизбежная текучесть состава бросается в глаза и при сравнении с предыдущим XI МСС 1993 года в Братиславе: на этот раз совсем не было Индии, но появилась официально Югославия, чему раньше препятствовали международные санкции, по причине которых югославские слависты вынуждены были в Братиславе выступать как бы от отдельных городов – Белграда, Нового Сада и др.

Год 1998-й был совершенно особым для Польши и истории ее культуры, это был год Мицкевича, с рождения которого исполнилось двести лет. Эта выдающаяся дата наложила отпечаток на краковский конгресс, можно сказать, начиная с его открытия: на первом пленарном заседании самым первым пленарным докладом был прочитанный польским проф. Ю. Маслянкой: «Славянские литературы в парижских лекциях Адама Мицкевича». Собственно говоря, и остальные три доклада на пленарном открытии тоже вполне логично предварили тематику дальнейших докладов и дебатов съезда: О.Н. Трубачев (Россия) «Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду»; Х. Андерсен (США) «Диалектная дифференциация общеславянского языка»; С. Грачотти (Италия) «Две Славии: проблемы терминологии и проблемы идей».

Проведение конгресса было сопряжено для Польши с рядом трудностей, вплоть до стихийных бедствий: годом раньше страна пережила гигантское наводнение, равного которому не было, говорят, последние тысячу лет. Только на фоне этих и неизбежных других трудностей преимущественно экономического характера можно попытаться оценить сложность задач, стоявших перед польскими организаторами. Теперь, когда трудности преодолены и сам конгресс уже позади, можно по достоинству оценить понимание, проявленное в Польше абсолютно всеми, кто имел отношение к этому важному мероприятию, начиная, разумеется, с председателя Международного ко-

¹ Очередной, XIII-й, съезд славистов решено провести в 2003 году в Любляне (Словения).

митета славистов проф. Я. Сятковского (Варшава) и председателя Оргкомитета по проведению XII МСС, проф. Л. Суханека и заместителя председателя Оргкомитета, проф. Е. Русека (оба – Краков) и кончая власть предрежащими, включая сюда также довольно многочисленных, как выяснилось, спонсоров конгресса. Результатом был завидно высокий уровень конгресса. Достаточно сказать, что он проводился под патронатом главы государства – президента Польской республики Александра Квасьневского, который не ограничился, как это бывает, письменным приветствием, но прибыл лично и выступил на открытии 27 августа. Президент сказал, между прочим, следующие важные, на наш взгляд, слова: «Я уверен, что славянский фактор вскоре внесет в нашу старую Европу новую динамику, что он укрепит ее идентичность и поможет окончить исторические споры». В адрес съезда поступило также апостольское благословение Иоанна Павла II, папы римского.

Если сказать в двух словах о составе участников съезда, то среди них были и ветераны, к которым можно отнести участников всех послевоенных съездов, начиная с московского, 1958 года. Участников первых, довоенных, съездов уже почти не осталось; ими оказались два престарелых польских ученых – Х. Батовский и С. Урбанчик. Довольно много было молодежи, в том числе новичков, для которых участие в XII МСС представило международный дебют.

Одно из стойких впечатлений съезда – необъятность нашей науки или наук, эта *silva scientiarum*, если использовать образ *silva rerum* ‘лес вещей’, вынесенный из посещения музея Ягеллонского университета в Кракове. Поскольку вся эта добрая тысяча докладов и сообщений со своими темами, проблемами и материалами могла быть о другом, ясно, что затронута лишь малая часть огромного знания. Впрочем, и к этой малой части удалось прикоснуться лишь в незначительной степени. Охватить и усвоить все произнесенное на съезде, его двадцати одним тематическом блоке, его двадцати с лишним комиссиях не смог никто. Так было на всех известных мне съездах. Лично я обычно поспеваю не более чем на три процента, то есть менее тридцати прозвучавших докладов. То же самое я слышал и от других коллег. До известной степени выручает испытанный источник – литература, в данном случае – литература съезда, сборники докладов делегаций, довольно большое количество отдельных оттисков, получаемых в кулуарах съезда и на заседаниях. Но и они не дадут представления о живом обмене, о ходе дискуссий съезда. Вот почему я (уже не в первый раз) прибегаю к помощи своих коллег-информантов, помогающих воссоздать хотя бы в некотором приближении дух съезда. В этот раз мне помогали своими заметками и наблюдениями московские коллеги-лингвисты Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина, Г.П. Клепикова, С.М. Толстая, А.А. Плотнокова, И.С. Улуханов, Л.Н. Смирнов, Г.А. Золотова, Л.Л. Агафонова, А.В. Суперанская; я даю их фамилии – более или менее – в порядке следования секций, которые сами порой переплетались, что усложняло дело. Отметив словами самой сердечной благодарности отзывчивость и помощь этих коллег, полагаю полезным изложить и тематику съезда:

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. [Секции]: I.1. Этногенез славян. Палеославистика. Прародина славян. Славянская этимология. Праславянский язык и его диалекты. Славянские древности в свете этнолингвистики. I.2. Языковые контакты. Славянско-славянские контакты. Славянско-неславянские контакты (*baltica, germano-slavica, hungaro-slavica, balcanica...*). Современные языковые контакты на территории славянства. I.3. Конфронтативные исследования и типология языков. Конфронтация двух и более славянских языков. Славянско-неславянская конфронтация. Методология типологических исследований (Фонетика и фонология. Морфология. Словообразование. Синтаксис. Семантика. Грамматическая система. Лексические системы. Лексикология, фразеология, лексикография...). I.4. Ареальные исследования славянских диалектов. Ономастика. Состояние сохранности славянских диалектов. Язык славян за пределами славянского ареала. Язык национальных меньшинств. Смешанные и переходные диалекты. Социальные диалекты (жаргон, сленг, арг). Ономастика. I.5. Языковые изменения (контролируемое и неконтролируемое развитие). Новейшие языковые изменения в

славянстве. Современные социально-политические изменения и язык (социолингвистические проблемы). Интернационализация и терминологизация современных национальных языков. История литературных славянских языков. 1.6. Значение славянского языкового материала для теории языка. Новейшие направления в языкознании: генеративная грамматика, когнитивная лингвистика, лингвистика текста. Традиция и инновации в славянском языкознании и их значение для языковых теорий. Интердисциплинарные исследования: языкознание и информатика, математика, теория коммуникации, психология, социология и т.д.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. [Секция]: II.1. Славянская мифология. Славянская археология. Фольклор и народная культура. Фольклор и литература. Славянский фольклор и европейский контекст. Место фольклора в славянских национальных культурах в прошлом и настоящем. Формы существования славянского фольклора и народной культуры – творческие средства, жанры, коды. Фольклористические категории и понятия. Культурные контексты славянского фольклора. Методология исследований славянского фольклора – сравнительные исследования, интердисциплинарные исследования. II.2. Литературы средневековья и их контексты. Новые проблемы, новые открытия, новые концепции. *Slavia Orthodoxa*, *Slavia Latina*, *Slavia Reformata* и их местные особенности. Роль перевода в развитии славянских культур. II.3. Гуманизм и барокко в славянских литературах. II.4. Славянские литературы XVIII и XIX веков. Литературные течения и направления. Предромантизм как литературное явление. Романтизм у славян и историко-культурный контекст. Сравнительные исследования славянских литератур. Мицкевич, его сочинения и влияние. Пушкин, его сочинения и влияние. II.5. Славянские литературы от модернистского перелома до современности. Славянский модернизм в контексте мировой культуры. Философские контексты модернизма. Направления и школы. Поэтика модернизма. Традиция и новаторство. Модернистский миф. Славянские центры модернистской культуры. II.6. Постмодернизм у славян и на Западе. Постмодернистский код. Литературная антропология постмодернизма. Проблема диалога и контекста. Границы постмодернизма. Роль переводов в формировании постмодернизма у славян. II.7. Мир славян и эмиграция. Литература эмиграции как историко- и теоретиколитературная проблема. Хронология и периодизация эмиграционной литературы. Диаспора и метрополия. Эмиграционная литература и альтернативная литература в стране. Славянские эмиграционные литературы в компаративистской оценке. Эмиграция XIX века. XX век – география эмиграций, центры эмиграции и их деятельность. Культурно-литературная жизнь эмиграции – издания и издатели. Идеиные течения. История эмиграционной литературы. Оригинальная и универсальная тематика. Форма, жанры, стили. Публицистика эмиграции – споры и дискуссии. Эссеистика. Научные публикации. Возвращения эмиграционной литературы. II.8. Философская, религиозная, политическая и общественная мысль у славян. Литература и религия. Религиозные мыслители. Влияние философии Запада. Влияние славянской мысли на Запад. Философские и идейные концепции славян. Государственные и общественные идеологии. Литература, политика и идеология. Историософия – утопии и антиутопии. Национальный менталитет. Национальное и европейское сознание в славянских литературах. Мицкевич и идея независимости у славян. II.9. Универсализм и своеобразие в славянских литературах. Славянские литературы по отношению к Востоку и Западу. Образ и топос Иерусалима в славянских культурах. Стихия истории в славянских литературах. Фантастика и сказочность. Научно-фантастическая литература. Народная письменность, ее разновидности и функции в культуре славян. II.10. Объем и границы славяноведения. Славяноведение и родственные науки. Теория литературы и методология литературоведческих исследований в славянских странах – достижения и заимствования. Сравнительная поэтика. Стиховедение. Историография литературы. Литературно-исторические синтезы славянских литератур в научном и дидактическом аспекте: необходимость в корректировке и переоценках. Периодизация литературы. Теория и история литературного перевода. Культурология – область

исследований и методы описания. Сравнительная культурология. Текстология и научное издание текста.

Наконец, назовем тематические блоки на съезде: 1. Библия в культуре славян. 2. Геополитические детерминанты художественного перевода в славянском мире. 3. История славистики. 4. Грамматика национального мифа. 5. Проза Иосифа Бродского. 6. Подразумеваемый лирический субъект в русской поэзии в XX веке. 7. Компьютерная обработка средневековых славянских рукописей и ранних печатных книг. 8. Диахроническая фонология и диалектология. 9. Восточнославянская фонетика и эволюция редуцированных. 10. Грамматика и значение во времени. 11. Историко-этимологическое изучение славянских фразеологических систем (теоретико-методические и прагматико-компаративные проблемы). 12. Язык и национальное меньшинство. 13. Праславянская ономастика. 14. Проблемы глагольной префиксации в славянских языках. 15. Проблемы типологии и конфронтативного изучения в грамматическом описании славянских языков. 16. Русский язык в постсоветский период. 17. Семантика славянского вида. 18. Славянские клитики в структурной перспективе. 19. Славянская этимологическая лексикография сегодня. 20. Точные методы в лингвистическом стиховедении. 21. Изменения в современных славянских языках (1945–1995).

Автор этих строк лингвист, что отнюдь не означает отсутствия интереса к славянскому литературоведению; напротив, о нашем широком, унитарном понимании славянской филологии специально говорится в нашем съездовском докладе, упоминаемом выше (см. также [Трубачев 1998]). Понятно поэтому и наше как бы заглядывание на «чужое поле», если иметь при этом в виду программу литературоведения, фольклора и культурологии на XII МСС. О том, что давно и в гораздо большей степени имеет место встречное движение – от литературоведения к языкознанию – я уже писал. XII МСС подтвердил это. Один из ветеранов славистики, чешский филолог Славомир Вольман наметил как бы приоритеты того, что он назвал «славянская филология 1998»: возврат к источникам; критика текста; сравнительная славянская филология; словари (см. [Wollman 1998: 269], а также [Streszczenia. Lit. : 72]). Совершенно очевидно, что немало полезного из трудов по литературоведению и культурологии на XII МСС может почерпнуть и лингвистика, почему показалось уместным наши впечатления со съезда открыть наблюдениями именно по этому разделу. К тому же, оказалось, что этот раздел подобрал, кроме собственно литературоведения, достаточно работ лингвистических – по сути или, по крайней мере, по материалу. В числе первых работ такого рода следует назвать доклад В.В. Седова (Россия) «Славянский мир накануне распада языковой общности» (опубликован к XII МСС в сборнике российских докладов по литературоведению, фольклору и культуре, см. также [Streszczenia. Lit.: 206–207]). По литературоведческому разделу числится и доклад А. Давидова (Велико Тырново, Болгария) «Роль косвенных источников при определении объема древнеболгарской лексики» (см. [Streszczenia. Lit. : 38], далее специально [Слав. филология, 22 : 146]). Важность изучений старославянского (по болгарской терминологии – староболгарского) языка для лингвистической палеославистики очевидна. Ср. и новую книгу автора: А. Давидов. Старобългарска лексикология. Велико Търново, 1996. По второму разделу был заявлен доклад Ф. Малингудиса (Греция) «Славянская мифология: некоторые свидетельства ранних местных названий», где, собственно, привлекается топонимия северо-западной Греции, Эпира [Streszczenia. Lit. : 84].

На границе двух разделов филологии находится доклад Г.Ф. Ковалева (Россия, Воронеж) «Антропонимия в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Streszczenia. Lit. : 193]. Острый лингвистический интерес может представить коллекция из примерно 120 названий для черта (по другим сведениям – все 250 названий, С.М. Толстая, письменно) в докладе югославского этнографа Л. Раденковича «Дьявол в балканославянских верованиях и фольклоре» [Streszczenia. Lit. : 104]. Переводы Библии на национальные языки освещались, в частности, в докладах хорватских исследователей И. Братулича и Б. Араповича [Streszczenia. Lit. : 55, 262]. Чисто условным (поскольку проблема актуальна в плане всей филологии, даже преимущественно лингвистической)

выглядит помещение во второй раздел доклада словацкого археолога Т. Штефановичовой «По поводу новых взглядов на локализацию Великоморавской державы» [Streszczenia. Lit. : 231]. Стоит обратить здесь внимание на саму готовность обсуждать этот поворот в исследовании проблемы, наметившийся после работ американо-венгерского историка Имре Бобы, 70-ых годов, решительно переместившего Великую Моравию «на юг от венгров» (в соответствии с данными Константина Багрянородного) и в район епархии св. Мефодия, а до него – Андроника на реке Сава. Раньше, как известно (а в умах ряда исследователей – до сих пор) господствовала концепция моравско-западнословацкой локализации Великой Моравии, при резком осуждении инакомыслия. Важно отметить совпадение искомой Великой Моравии и территориальной зоны первоначального глаголитизма (Далматинское Приморье – Посавье), поскольку оно чрезвычайно перспективно в плане наследия свсв. Константина (Кирилла) и Мефодия и в целом – в плане славянского единства (см. о последнем заявленный доклад О.А. Акимовой (Россия) «Тема славянского единства в хорватской литературе средних веков и раннего Нового времени» [Streszczenia. Lit. : 172]). Исследовательница видит в глаголической среде своеобразное соединительное звено между *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa*. Распадение первоначальной Славии на эти две конфессиональные Славии, теоретически обоснованное и исследованное в трудах Риккардо Пиккио вот уже сорок лет назад, по-прежнему приковывает к себе внимание исследователей. См. доклад Иванки Петрович (Хорватия) «Хорватская средневековая литература. Литературная цивилизация *Slavia Romana* и латинская Европа», а также А.В. Липатова (Россия) «Европейский литературный процесс и славянские литературные общности» [Streszczenia. Lit. : 60, 196]. Последний, в частности, подразделял *Slavia Latina* на *Slavia Romana* et *Slavia Germana*. Сам метр, подаривший славянской науке эту плодотворную дихотомию, был на съезде и продолжал делиться своими доводами и сомнениями, см. буквально Р. Пиккио (Италия). «*Slavia Orthodoxa* – *Slavia Romana*»: сорок лет сомнений [Streszczenia. Lit. : 306]. Заслуженный мастер высказывает суждения о том, что дихотомия на православную Славию и Славию римско-католическую принадлежит не только безвозвратному прошлому и «средневековью» (термин и понятие в их отношении к славянству, славистике, кстати, сомнительны и для Пиккио), как склонны были считать наши историки литературы, первоначально, возможно, с учетом коммунистической доктрины, а, возможно, также из других далеко идущих соображений, ср. [Picchio 1998]. Просматриваемая при этом цель – концептуальное выведение России из *Slavia Orthodoxa*, ср. и систематическое, с помощью СМИ, внедрение идеи о том, что Россия многоконфессиональна, многонациональна (причем – чуть ли не начиная с Древней Руси!), тогда как сторонние наблюдатели, политологи четко судят, что Россия до сих пор – страна православная и что именно как таковая она не смогла пойти по западному пути (см. «Известия» 18 авг. 1998 г., интервью Александра Рара, потомка старой русской эмиграции)².

Сюда тематически примыкают доклады: П. Карагёзов (Болгария) «Участие славян в процессах духовной интеграции и дезинтеграции Европы»; Г.П. Мельников (Россия) «Идея славянской общности в чешской мысли средневековья»; М. Кучера (Словакия) «К началам исторического самосознания словаков»; В.Е. Багно (Россия) «Пограничные культуры между Востоком и Западом. Россия и Испания» (см. [Streszczenia. Lit. : 45, 197, 227, 176]). В конце концов, весьма поучительны могут быть в плане славянской / неславянской идентификации / самоидентификации постановки таких, казалось бы, частных вопросов, как «Стереотип поляка в русской литературе XX века» (В.А. Хорев, Россия), «Образ грека в болгарской и македонской письменности» (Т. Домбек-Виргова, Польша), см. [Streszczenia. Lit. : 146, 181].

Временной, хронологический диапазон исследований, представленных на съезде, был огромен. Исследователей интересовало все – от так называемых «массмедиа» на-

² Знаменательно почти полное – день в день (17–18.VIII) – совпадение этого прогноза и начала пресловутого кризиса в России.

ших дней до индоевропейских диалектов тысячи лет назад. Мы еще будем возвращаться к тем и другим параметрам, а из раздела второго здесь назовем доклад Р. Ивановой (Болгария) «Масмедии и фольклор» [Слав. филология, 22 : 265; Streszczenia. Lit. : 42] и – как отрицательный пример – несостоявшийся доклад А. Бернар (Франция) «Теория венетов у словенцев» [Streszczenia. Lit. : 79]. В последнем случае речь идет о псевдонациональном мифе, увязывающем словенцев и индоевропейский этнос совсем другой принадлежности – северно-адриатических венетов, любительское сравнительство, подстегнутое распадом прежней Югославии.

Просмотр материалов второго раздела съезда полезен, он порой побуждает к суждению отнюдь не безразличных проблем, как например нижеследующий вопрос, относящийся прямо к этногенезу и истории культуры славян. Так, в докладе В.Я. Петрухина (Россия) «Погребальный культ в славянском язычестве» [Streszczenia. Lit. : 200] содержится утверждение: «В сравнении с древностями соседних народов – тюркских, германских и др. – славянский обряд (погребения. – О.Т.) выглядит «бедным». Важно иметь в виду, что «бедные» погребения, с минимумом загробных даров обычно характерны для земледельческого населения; без этой констатации, существенной для истории культуры славян, подобное утверждение остается неполным и недостаточным.

Отлично организованный и проведенный на высоком уровне конгресс был не лишен недостатков, что неизбежно в таком обширном и сложном мероприятии. Далеко не все упреки при этом могут быть адресованы организаторам. И.С. Улуханов (Россия) высказал мнение (в котором с ним солидарна Г.А. Золотова, Россия), что программа XII MCC составлена неудачно, близкие и смежные доклады разбросаны, что порождает «трудно обозримую пестроту». Целый ряд пожеланий к организаторам сформулирован Г.А. Золотовой: «...если бы удалось сгруппировать доклады о виде глагола, о словообразовании, о семантической структуре глаголов, о строении текста и др., это... сделало бы более целенаправленными обсуждения. Содержательных дискуссий... было мало и потому, что регламентом не отведено было на них времени, и потому, что критерий количества при отборе докладов мешал критериям качества и новизны». Однако в иных случаях неудовлетворенность, вынесенная участниками с заседаний, есть не что иное как отражение неудовлетворительного состояния самой проблемы, когда приходят к констатации, что «аспектология остается одним из наиболее "трудных, спорных и неразработанных" до конца разделов грамматики славянских языков. Напряженные поиски инварианта в семантике глагольного вида нельзя считать законченными и успешными. Продолжается анализ частных видовых значений глаголов совершенного и несовершенного вида» (из впечатлений Л.Л. Агафоновой, Россия). Это, так сказать, упреки самим себе, без которых, как известно, не обходится серьезная работа исследователя. В остальном неслучайно большинство славистических съездов прошло под знаком исследования славянского глагольного вида. На этом направлении славистика испытывала не одну только неудовлетворенность, но знавала и яркие удачи, надолго освещающие путь остальному исследованию; такими остаются разработки проблемы имперфективации славянского глагола, предложенные Ю.С. Масловым (Россия) еще на IV MCC. Из этой же области, далее, констатации, что на XII MCC «историческое словообразование представлено скудно» (И.С. Улуханов, письменно) или, скажем, сообщение факта, что в сравнении с предыдущим, XI MCC «проблематика истории национальных славянских литературных языков была представлена значительно скромнее» (Л.Н. Смирнов, Россия, письменно; то же устно – В.М. Живов, Россия). Г.П. Клепикова (Россия) охарактеризовала как поразительное отсутствие докладов по болгарской и сербской диалектологии – тем более, что видные специалисты с обеих сторон (Т. Бояджиев, И. Кочев, Сл. Реметич) присутствовали. Что здесь сказалось – стремление обходить острые углы? С другой стороны, остроты в дискуссионном общении сербских и хорватских участников, говорят, хватало (А.А. Плотникова, Россия). В переданном мне также письменном отчете В.В. Седова в общем справедливо указано на такой минус нашего конгресса, как «отсутствие в его программе докладов археологов по этногенетической проблематике, которые предста-

вили бы несомненный интерес для лингвистов и топонимистов, работающих над теми же вопросами». Правда, и этот упрек можно переадресовать самим археологам по этногенезу, которые наверняка сами (своевременно) не прислали заявок. В.В. Седов обращает внимание на то, что, кроме него самого, на XII МСС были еще только два археолога – А. Рутткай (Словакия) с докладом о Среднем Подунавье IX–XI вв. и Э.М. Зайковский (Белоруссия) с докладом о культе Велеса. Далее В.В. Седов: «Неучастием археологов в работе Конгресса обусловлено то, что две комиссии при Международном комитете славистов – по славянской культуре раннего средневековья и по славянской археологии – не имели возможности провести свои запланированные рабочие заседания. Полагаю, что комиссия по культуре славян, созданная много лет назад, ныне не работоспособна и нуждается в коренном обновлении». Это заключение требует самого серьезного внимания еще и потому, что сократившееся на последних съездах славистов участие историков (что уже замечали многие) сводилось в основном к участию таких представителей исторических наук, как археологи. Их рабочий контакт с лингвистической этногенезологией и ономастикой ни у кого не вызывает сомнений, но важно по крайней мере, чтобы и он не сошел на нет. Некоторые лакуны съезда носят характер персональных случайностей. Скажем, в отличие от предыдущего съезда не приехали наши (в широком смысле слова) акцентологи – Дыбо (Россия), Складенко (Украина).

Огромный съезд помогал высвечивать и большие, и малые проблемы. Как свидетельствует Г.П. Клепикова, языковые контакты привлекли в этот раз больше внимания, чем на других съездах, в том числе на диалектном уровне, имея в виду диахроническую интерпретацию современных ареалов влияний, с привлечением Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), Общекарпатского диалектологического атласа (ОКДА), Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ); как новый опыт из этой области нужно отметить «Малый диалектологический атлас балканских языков» М.В. Домосилецкой, А.А. Плотниковой, А.Н. Соболева и др., с включением этнолингвистического аспекта. Ну, и наконец, не забудем, что старый уже проект ОЛА сквозь все невзгоды и несогласия пришел к своему сорокалетию. Одной только социолингвистической проблематике было посвящено около тридцати докладов (Л.Н. Смирнов). Г.А. Цыхун (Белоруссия) выступил с концепцией «эколингвистики». Подойдя близко к тематике так называемых малых славянских языков, трактовавшейся и на предыдущем съезде (литературный «ляшский» язык Ондры Лисогорского), упомянем прежде всего систематическую деятельность в этой области тартуского профессора А.Д. Дуличенко (Эстония), выступившего на сей раз на тематическом блоке «Язык и национальное меньшинство» с сообщением «Языки малых этнических групп: генезис, статус, проблемы выживания». Там же выступил Т. Пристли (Канада): «Каринтийский язык, кайкавщина, кашубщина. Социолингвистика литературы на "диалекте" в зонах языковых меньшинств». Любопытно, что социолингвистическое творчество, экспериментирование идет здесь вплоть до самого последнего времени, как можно судить по докладу: О. Поляковас (Литва). Западнополюсский литературный язык [Streszczenia. Jęz.: 113; Slavistica Vilnensis 1998: 29]. Этот, так сказать, «четвертый восточнославянский литературный язык», не старше конца 80 – начала 90-х годов, основан на западнополюсских белорусских говорах, переходных между белорусским и украинским, имеет еще название *ітв(ј)ежа волода* / мова «ятвяжский язык», с ощутимым креном к балтийскому и в целом, разумеется, плод парцелизации и автономизации последнего времени.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению отдельных крупных проблем лингвистики, заслуживающих рассмотрения постольку, поскольку они не раз оказывались в центре внимания на XII Международном съезде славистов, хочу воспользоваться случаем, чтобы выразить чувство, в котором – я в это искренне верю – эмоции не перевешивают трезвую оценку фактического положения, чувство своей гордости за российскую делегацию и ту роль, которую она реально сыграла в делах XII МСС. И это не только мое личное мнение, но и мнение других участников, причем

«новизна услышанного» ассоциируется именно с докладами российской делегации (А.А. Плотникова). Кроме тех имен и разработок, которые я кратко уже назвал, а также тех, которые назову еще далее, я хотел бы остановиться на моментах, которые мне помогли зафиксировать мои коллеги. В смысле фиксации – сохранения для более широкого круга пользователей – особенно уязвимы, как известно, дискуссии на съездах. Они не всегда записываются, не очень регулярно издаются потом (приятное исключение – том дискуссий XI MCC 1993 года, который словацкие коллеги привезли на нынешний, XII MCC: *Záznamy z diskusie k predneseným referátom. XI medzinárodný zjazd slavistov. Ved. redaktor a editor Ján Dorul'a. Bratislava, 1998*), а если издаются, то обычно с немалой задержкой.

Наши словари – исторические, этимологические, диалектные, общезыковые, экспериментальные – всегда были и остаются в центре внимания мировой славистической общественности; XII MCC еще раз подтвердил это, вплоть до всех привычных деталей, включая «кулуарный спрос». Достаточно также только назвать некоторых из наших видных ученых, за каждым из которых стоит собственное научное направление, чтобы быть уверенным, что их выступления приковали внимание участников съезда: Г.А. Золотова (Россия) «Новая русская грамматика: идеи и результаты»; А.В. Бондарко (Россия) «Идеи Р.О. Якобсона и проблемы грамматической семантики»; Е.А. Земская (Россия) (в соавторстве) «Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков)»; И.С. Улуханов (Россия) «О закономерностях сочетаемости морфем в славянских языках». Участники особо отметили высокий уровень дискуссии Крысько – Зализняк (со слов А.А. Плотниковой), состоявшейся после доклада В.Б. Крысько (Россия) «Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне» [Крысько 1998; Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998 : 367] (курьезная деталь: собравшиеся с облегчением восприняли информацию о том, что следующий после Крысько новозеландский доклад о «славянских языках в Полинезии» (sic!) не состоится, и поэтому оказалось возможным обстоятельное обсуждение, в том числе подробное выступление Зализняка). Особого упоминания заслуживает доклад самого А.А. Зализняка (Россия) «Проблемы изучения берестяных грамот» [Славянское языкознание. XII MCC. Докл. рос. делегации. М., 1998; 248; *Streszczenia. Jęz. : 221–223*]. Доклад, собравший большую аудиторию, представил итог научной интерпретации девяти сот грамот на бересте. Одобрение вызывает то, что автор к настоящему времени разумно редуцировал первоначальные прямые ассоциации древненовгородских архаических особенностей с западнославянскими. В целом же предложенный самобытный языковой (фонетический, лексический) материал был снабжен добротной научной интерпретацией, и если детали этой интерпретации не всегда кажутся окончательными, то это вполне естественно для научного диалога (так, заинтересовавшая автора форма *кетъ / кето* (гр. № 891 и Ст. Р. 12), практически – *кто* 'кто', с редким сохранением редуцированного в первом слоге, не уникальна, для нее существует независимая параллель в полабском *kätü* 'кто', см. [K. Polański. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Zesz. 2. Wrocław etc. 1971 : 241]; как можно понять автора [Докл. рос. делегации: 252], берестяное *ѣмена* 'зерно на еду (не на посев)' не зафиксировано словарями древнерусского языка, но см. СлРЯ XI–XVII вв. 5. М., 1978 : 51: *ѣмена*... Дм., 81. XVI в. ...А. тяг. I, 63. 1676 г.). Наконец, проблему конца древненовгородского слова с его яркими, самобытными особенностями, включая вокализацию редуцированного, целесообразно не отрывать, по крайней мере, от общесеверновеликорусского, ср. наблюдения над сохраненными рефлексам редуцированных гласных в конце слова в русских (архангельских) говорах типа *л'ёсо, д'ен'о*, им. пад. ед. числа, в съездовском докладе: Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина (Россия) «Рефлексы редуцированных гласных в конце слова в русских говорах» [Докл. рос. делегации: 353; *Streszczenia. Jęz. : 310*]. Важный доклад А.А. Зализняка состоялся в последний день работы съезда и явился заметным событием; в отличие от печатного текста, он содержал много иллюстра-

тивного материала, читался с использованием возникшего дополнительного времени, в целом – очень живо и был тепло воспринят слушателями, с одним, пожалуй, недостатком – докладчик совсем не оставил времени для дискуссии. Я специально останавливаюсь на этой теме, поскольку она представляет целую новую дисциплину русистики (или, как некоторые думают, палеославистики) – новгородистику. Лидирующая роль российской науки здесь очевидна, как очевидно и то, что наука других стран в той части, в которой она оказалась вовлечена в исследование новгородистики, явно производна от российской. Традиции тут установились относительно уже давние, в Польше берестяными грамотами давно интересовался русист Курашкевич. Конечно, феномен грамот на бересте шире новгородского региона, ср. еще такую древность, как др.-инд. *bhūrjam* ‘писчий лист березовой коры’, *bhūrja-* ‘письмо, документ, долговая расписка’. Трем берестяным грамотам XII века, найденным на Украине близ Львова, был посвящен на съезде польский доклад: А. Фаловский «Еще раз о берестяных грамотах XII века на Украине» [Z polskich studiów slawistycznych. Seria 9. Językoznawstwo. Prace na XII Międzynarodowy kongres slawistów w Krakowie. Warszawa 1998: 71; Streszczenia. Jęz. : 166]. Очевидно производным от нашей новгородистики и вообще – русистики, включая плюсы и минусы последней, вроде въевшихся сомнений в гомогенности древнерусского языка, является также съездовский доклад Х. Бирнбаума (США) «На периферии: самые ранние свидетельства о двух позднераславянских диалектах» [Streszczenia. Jęz. : 274–275; также американская версия на польском яз., отд. отт.]. Предлагается попытка рассматривать не только старославянский на крайнем Юге, но и древненовгородский – на крайнем Севере как периферии еще единого, праславянского языкового пространства вплоть до XII–XIII веков. Сама эта хронологизация праславянского не нова, ее связывают с именем Трубецкого, но сейчас она выглядит, пожалуй, уже чистым анахронизмом. Сравным успехом можно считать, что мы все до сих пор говорим на праславянском, ведь языковая эволюция непрерывна, а всякие периоды существуют только в нашем аналитическом мозгу. Другое дело – реально функционирующий языковой ареал со своим центром и перифериями; в этом случае для XII–XIII веков целесообразно говорить только о (древне)русском ареале и его перифериях.

На съезде встретились «Новое» и «Старое», правда, ни к какому Армагеддону это не привело, как это на первых порах показалось лично мне, когда я бегло узнал о громком названии доклада О. Кронштайнера (Австрия) «К неизбежному упадку славистики старого типа» [Streszczenia. Lit. : 14]. Затем выяснилось, что зальцбургский профессор и не метил, собственно, во все колоссальное здание заслуженной старой славистики, покоящееся на палеославистике, грамматиках, словарях, реконструкции праславянского, он до всего этого просто не дотянулся, а сводил счеты с венским центром. И как бы в противовес этому скандальному докладу на тематическом блоке «История славистики» состоялся доклад Х. Микласа (Австрия, Вена) «К роли венского центра в развитии славистики» [Streszczenia. Lit. : 322], автор которого весьма уместно обращает наше внимание на предстоящее столятидесятилетие венской кафедры славистики, возглавленной Ф. Миклошичем в 1849 году.

Съезд дал сгусток информации, порой ускоряющий осмысление того, что не так обращает на себя внимание в повседневном разреженном информационном потоке. Наша задача – попытаться осмыслить то, что как бы высветил съезд. Но сначала – несколько формулировок, сама «кучность» которых как бы говорит за себя. С.М. Толстая (Россия) [в письме] указывает на «смещение интереса исследователей с формальной структуры языка на его "содержательные" стороны (план содержания) и "внешние" (этнокультурные, историко-культурные, социо-культурные и т.п.) функции языка». В связи с этим стоит обратить внимание на то, какие темы «косяком» пошли на нынешнем съезде: Б. Вигерс (Голландия) «О моделировании детской картины мира в русской повествовательной литературе» [Streszczenia. Lit. : 89]; Е. Бартаминьски (Польша), И. Сандомирская (Швеция), В.Н. Телия (Россия) «Родина в польской и русской языковой картине мира» [Streszczenia. Jęz. : 160; Z polskich studiów sla-

wistycznych. Językoznawstwo. Warszawa, 1998]; Ж.Ж. Варбот (Россия) «Славянские представления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира)» [Слав. языкознание. Докл. росс. делегации: 115; Streszczenia. Jęz. : 219]; А.Ф. Журавлев (Россия) «К реконструкции древнеславянского мироведения (о категориях "доли" и "меры" в их языковом и культурном выражении)» [Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998 : 71; Streszczenia. Jęz. : 225–226]. О «балто-балкано-славянской картине мира» идет речь в докладе: Л.Г. Невская, Т.М. Николаева, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян (Россия) «Концепт "путь" в фольклорной модели мира: от Балтии до Балкан» [Streszczenia. Jęz. : 207; Слав. языкознание. Докл. росс. делегации: 442]. О том же – о «odtworzeniu obrazu świata» говорится в следующем докладе с любопытным названием «Когнитивизм в этимологии» [M. Wojtyła-Swierzowska, Streszczenia. Jęz. : 184].

«Пережитые лингвистикой последних десятилетий поиски и метания – от устремлений к "чистой форме" до всеобщего поворота к семантике (подчеркнуто мной. – О.Т.)... с доминирующим интересом..., наконец, к тексту как результату смысловых и коммуникативных интенций... раздвигают традиционные рамки грамматики», – читаем мы в вышедшей накануне съезда «Коммуникативной грамматике русского языка» Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой (М., 1998 : 9).

Не будет преувеличением сказать, что эта идеология вполне проявила себя на минувшем съезде, причем выступающие возвращаются мысленно к началу 80-х годов, «когда большинство ученых стало поддерживать определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникации...» Е.С. Кубрякова, слова которой мы только что процитировали [Е.С. Кубрякова (Россия) «Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков» // Научные докл. филол. фак-та МГУ, вып. 3. М., 1998 : 53; Streszczenia. Jęz. : 201–202], относит это явление к новым парадигмам в лингвистике и, в свою очередь, говорит о формировании языковой картины мира. Ну, что тут можно сказать ввиду этих правильных в общем рассуждений. Можно, конечно, поправить хронологию – не начало 80-х, а раньше; я припоминаю, что присутствовал лично на докладе Э. Косериу «Weltbild der Sprache» в Фрайбурге-им-Брайсгау (Германия) весной 1977 года. Но дело также не в этом. Исторически неглубокий дескриптивизм оказался в ситуации, о которой лучше всего сказано в Библии: Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас (Еккл. 1, 10). И вновь вспоминается метафора из работы одного русского лингвиста, живущего и работающего в Чехии: «языкознание – это наука возвратов». Один из таких крупных возвратов, не вполне осознанных нами именно как возврат, мы имеем перед собой в наблюдаемом триумфе семантики в форме когнитивизма, этой в целом полезной концепции языковой картины мира, собственно, – плата за долгие годы формализма.

Сравнительно-историческое языкознание импонирует нам хотя бы тем, что никогда не отворачивалось от семантики, от содержательной стороны, от внешнего мира и культуры человека. Нынешний бурный поворот всех к этим аспектам да еще оснащенный новой терминологией, – феномен понятный, но заслуживающий трезвой оценки. В конце концов, и наш А.С. Будилович больше века назад в своих панорамных исследованиях быта славян «по данным лексикальным», О. Шрадер с фундаментальными исследованиями индоевропейских реалий, В. Хен в богатейшей книге о культурных растениях и домашних животных через призму языка да и многие другие помышляли уже давно и, надо сказать, на большую глубину в принципе о том же³. Но убедительнее, думаю, будет пример с нашим современником, к тому же – участником нашего съезда. Восьмидесятисемилетний краковский профессор Францишек Славский, бодрый и неутомимый на всех заседаниях, выступил с докладом «Пятьдесят лет над этимологией» [Prace slawistyczne nr 105. Warszawa, 1997 : 253; Streszczenia. Jęz. : 342].

³ А propos, поскольку речь идет постоянно о концептах, уместно вспомнить, что на съезде ставился вопрос о потребности в новом словаре славянской лингвистической терминологии (Г.А. Золотова).

Начав исследовательскую работу с 1937 года, ученый неизменно преследовал цель реконструкции мотивации и первичного значения, а также сообщил нам, что подумывает над этимологической обработкой лексики праславянской культуры. За стенами его кабинета воцарялся структурализм и формализм, полнозначное значение изгонялось и вновь воцарялось с триумфом, но я что-то не заметил, чтобы этот человек, удивительно сохранивший здравый смысл, менял ориентацию. О своем кредо он поведал нам сам. Это были замечательные слова, отрадно прозвучавшие именно на одном из наших этимологических заседаний, – четверостишие польского поэта Циприана Норвида, в свое время украсившее как эпиграф первое издание "Этимологического словаря польского языка" Александра Брюкнера, которое я, извинившись перед читателями, дам в своем переводе:

И хоть все говорим, но не все мы готовы,
Чтоб спросить себя, как же читается слово
Изнутри, и судьбы его дальний полет
Разглядеть, полюбить только редкий дерзнет.

Коснувшись работ по славянской этимологии на съезде, я могу с удовлетворением констатировать, что на этой секции преобладала оживленность, дискуссии были, хоть и вынужденно сверхкраткими, как и везде на съезде, но конкретными и насыщенными. Напомню, что речь идет о секции I.1: "Этногенез славян. Палеославистика. Прародина славян. Славянская этимология. Праславянский язык и его диалекты. Славянские древности в свете этнолингвистики". Специфика этой секции, точнее говоря, всех перечисленных специальностей, – в том, что все они – от археологической этногенезологии до молодой еще этнолингвистики – оперируют этимологией, в немалой степени базируются на ней, на этимологии нарицательных и собственных имен. Добавлю, что практически каждый съезд славистов начинался с такой или подобной секции. Второе обстоятельство, которое хотелось бы выделить, – это то, что мы и наши коллеги разных возрастов пришли на съезд не с пустыми руками: вышел 24-й выпуск нашего "Этимологического словаря славянских языков (Праславянский лексический фонд)" в Москве, если иметь в виду нас, "ветеранов", вышел пробный выпуск нового этимологического словаря сербского языка, если говорить об этимологической молодежи (Етимолошки одсек Института за српски језик САНУ. Огледна свеска. Београд, 1998). Неслучайно председательствовавший на заседании тематического блока по современному состоянию этимологической лексикографии Ф. Славский назвал в качестве итогов выход этих двух томов. Вообще можно отметить и то, что этимологическая лексикография на предыдущих съездах славистов так широко не обсуждалась. Итогов, разумеется, было больше – и по этимологической лексикографии и по собственно этимологическому исследованию, включая более широкие лексикологические и лингвогеографические подходы. Традиционным вниманием пользовались тематические группы лексики – доклады: Л.В. Куркина "К реконструкции древних форм земледелия у славян (на материале лексики подсечно-огневого земледелия)". В дискуссии высказывалось мнение о чрезвычайно влиятельной, фондовой роли лексики и понятий земледелия у славян, а также обращалось внимание на разные объемы того и другого у славян и балтов; например, исключительно земледельческое слав. **medja* 'граница сельскохозяйственных угодий' имеет в балтийском родственную индоевропейскую форму, лишенную сельскохозяйственных коннотаций: др.-прусс. *median* 'лес', лтш. *mez̃s* < **medias/n* 'то же'). Далее, сюда же доклад Ж.Ж. Варбот с уже названной выше темой; И. Янышкова (Чехия) "Этимологическо-ономасиологический анализ славянских названий деревьев" [Česká slavistika. 1998: 39; Streszczenia. Jęz.: 70]; А.П. Непокупный (Украина) "Славянская терминология возвышенного рельефа в индоевропейском аспекте" [Streszczenia. Jęz.: 264]; Е. Русек (Польша) "Названия профессий в старославянских памятниках" [Streszczenia. Jęz.: 180–181; Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo 1998: 249].

Не раз и не два придется, видимо, еще пожалеть о том, что запись дискуссий на съезде велась по большей части стихийно, если велась вообще. А именно в свободной дискуссии порой как бы походя высказывались серьезные мысли компетентных специалистов. Ср. беглое устное наблюдение Варбот о том, что представления о лексическом гнезде весьма различаются у дескриптивистов и у этимологов. Чтобы покончить с проблематикой гнезда, специально укажем, что на Украине продолжается традиция гнездового исследования слов, во многом обязанная еще покойному А.С. Мельничуку с его панорамными анализами славянской и индоевропейской лексики с общим корнем на большую временную глубину. Сюда относится прочитанный на тематическом блоке по этимологической лексикографии доклад Т.О. Черныш (Украина) "Компаративно-сопоставительное исследование славянской лексики в контексте этимологических гнезд с близкородственными корнями" [Мовознавство. 1998. № 2–3: 168; Streszczenia. Jęz.: 344]. Однако хочется вернуться к мысли, которая кажется главной, а именно: при наличии очевидных различий в подходе, трактовке все же не ограничиваться этой пассивной констатацией, но использовать возможности обоих методов – дескриптивного и сравнительного. Думается, преувеличенный параллелизм обоих оборачивается ущербом (особенно при строгом дескриптивизме с его недостаточной временной глубиной) для самого исследуемого предмета, и я, возможно, еще буду иметь случаи показать это, не слишком удаляясь от съездовской тематики.

Тематический блок "Славянская этимологическая лексикография сегодня", инспирированный для XII МСС отсутствовавшим П. Ивичем (Югославия), возглавившим также молодой коллектив составителей нового сербского этимологического словаря в Белграде, принес нам разнообразную новую информацию. Из докладов М. Белетич, А. Ломы и колл. (Белград) и Т. Тодорова (Болгария) мы поняли, какие обширные пласты заимствованной и другой местной балканской лексики предстоит обработать в новом белградском словаре и в продолжающемся уже три десятилетия софийском (и то и другое – на обширном славянском фоне). Весьма импонирующие успехи и опыт современной трактовки этимологизируемого лексического материала на обширном лингвогеографическом славянском фоне продемонстрировали белорусские исследователи, работающие не только над продолжением известного этимологического словаря белорусского языка (вышло 8 томов), но и над новым компактным однотомником: коллективный доклад М. Абрагімовіч, Г. Цыхун и колл. (читал И. Лучиц-Федорец) "Межславянские изолексы в белорусских этимологических словарях". В докладе дается и корректная критика предыдущих опытов этимологизации белорусских слов [М. Абрагімовіч, Я. Волкава, Я. Казлоўская-Дода, І. Лучыц-Федарэц, Р. Малько, А. Осіпчык, Г. Цыхун "Міжславянскія ізалексы ў беларускіх этымалагічных слоўніках. Мінск, 1998; Streszczenia. Jęz.: 344–345].

В качестве признака неисчерпанных потенций этимологии хочется указать на функционирование на съезде особого тематического блока "Историко-этимологическое изучение славянских фразеологических систем". В блоке участвовали ряд докладчиков и дискуссионтов, из них выделим доклад А. Ивченко (Украина) "На пути к фразеологическому этиму: этимологический анализ славянской фразеологии". Ср. и книгу автора: А. Ивченко. Українська народна фразеологія: ареали, етимологія. Харків, 1996. В конечном счете на близкую тему был доклад Р. Эккерта (Германия) "Что дают балтийские языки для исторической фразеологии славянских языков?" [ZfSl 43, 1998, 2: 178; Streszczenia. Jęz.: 132]. Любопытно отметить (и это прозвучало в дискуссии), что в неменьшей степени и балтийская фразеология как бы проясняется порой через наличие кучных славянских свидетельств, проецируемых на (изолированные порой) балтийские случаи, ср., с одной стороны, лит. *vėlnias rāda* 'черт роет', а с другой стороны – слав. не только **čьrto-rъjь*, **čьrto-rъje* (этимологически затемненное, примеры из ономастики как показатель древности), но и, далее, тоже главным образом ономастические, то есть, скорее, древние **kopo-rъje* (русск. *Копорье*), **svino-rъje*. В целом изучаемые отношения взаимопроникновения балто-славянских клише склоняли к мысли о наличии балто-славянского языкового союза, причем этимология – один из

критериев его выявления. Опытный мастер как в дескриптивистике, так и в этимологии, И. Немец, правда, лично на съезд не приехавший, выступал (в соавторстве) с докладом "Сравнительное исследование семантических моделей и лексикографическое описание" [Česká slavistika. 1998. Praha: 92; Streszczenia. Jęz.: 69]. Насколько эти проблемы, особенно в практике составления исторических словарей, в том числе в практике самого И. Немца, пересекаются с реконструкцией (например, неполно засвидетельствованных лексических гнезд) известно.

И все-таки некоторая перемежаемость секций сделала свое отрицательное дело. Проблематика старославянского, церковнославянских языков, весь кирилло-мефодиевский комплекс, наконец, не менее важные и результативные подходы к этой проблематике с типологической стороны (то есть в плане тесной аналогии с генезисом других книжнописменных, литературных языков), с ареальной стороны – все это нуждалось в большей компактности рассмотрения. Важный пласт культурной лексики славянских языков – христианская терминология – пользовался вниманием исследователей и на этом съезде. Отметим здесь такую инициативу, как проект создания словаря старопольской христианской терминологии (до 1500 г.), около 3000 словарных статей, см. доклад опытного лексикографа М. Карплюк [Język polski. 1998. № 1–2: 91; Streszczenia. Jęz.: 170–171].

Какие бы возмущения в магнитном поле языкознания вообще, а славистики – в частности, ни происходили, наш компас никогда не выходил из строя, магистральное направление оставалось прежним, а исследовательский интерес к праславянской проблематике оставался заглавным. Как уже сказано выше, праславянский комплекс и на этом съезде открывал программу. На мой взгляд, "праславянские" доклады на съезде не содержали откровений, впрочем, весьма вероятно, что они на них и не претендовали. Пафос докладчика порой не выходил за рамки сдержанного, хотя и запоздалого, ропота по поводу разрыва между праславянской моделью и "живым" языком, откуда якобы проблематичность "всех" реконструкций (К. Штайнке (Германия) "Праславянский язык: фикция и/или реальность?" [Streszczenia. Jęz.: 150–151]). Достаточно часто применялась схема привычного, но, согласимся, упрощенного отождествления членения (пра)славянского ареала или грамматического строя с засвидетельствованным племенным членением [Э. Айхлер (Германия) "Самая западная периферия славянской языковой области" [Streszczenia. Jęz.: 132–133]], с засвидетельствованным грамматическим строем [М.Л. Ремнева (Россия) "О грамматических характеристиках праславянских диалектов на поздних этапах развития". Научные докл. филол. фак-та МГУ, вып. 3. М., 1998: 91; Streszczenia. Jęz.: 210–211]. Однако апеллирование к оговоркам старых классиков ("на поздних этапах развития"), а тем паче – эта удивительная вера во вторичную и даже позднюю (?) диалектизацию праславянского языкового пространства, кажется, мало продвигают дело. Откровенно кабинетным упражнением отдает представленная в одном докладе очень условная концепция праславянского языкового пространства, где все диалекты одинаково переходные (отличаются только одной чертой) [Г. Хольцер (Австрия) "Об общеславянском диалектном континууме" // Streszczenia. Jęz.: 19].

При желании можно говорить о некотором кризисе в изучении праславянского, хотя наличие кризиса ограничивается, очевидно, лишь все еще сильными младограмматическими традициями. Нельзя отрицать вместе с тем, что гораздо большую перспективность и объяснительную силу обретают при этом другие направления, преследующие цель всемерного насыщения праславянской модели лексическим материалом, широким фронтом ведущие праславянскую лексическую реконструкцию, постулирующие изначальность диалектного членения и тем самым – статус праславянского как живого языка. Работы над ЭССЯ в Москве и над SP в Кракове приобретают при этом решающую роль. Нельзя сказать, чтобы это направление с его широкими выходами в праславянско-индоевропейские изоглоссы (изолексы) прозвучало на съезде адекватно, скорее всего – нет. И все же один съездовский доклад весьма напомнил нам наш постулат (да и базирующуюся на нем всю практику составления

нашего ЭССЯ, хотя докладчик *explicitе* решил ограничиться дополнениями и поправками к SP, Краков) – об автономности праславянских состояний отдельных славянских языков/диалектов [Л. Кралик (Словакия) "Из исследования праславянского лексического фонда в словацком языке/" [Príspevky slovenských slavistov. Bratislava, 1998: 33; Streszczenia. Jęz.: 240].

К проблематике праславянского логично примыкала проблема прародины славян и ономастика в своей праславянской части, которой мы здесь по преимуществу (правда, со всей краткостью) и коснемся. Нельзя сказать, чтобы тут мы слышали много нового, может быть, по той причине, что на съезде были представлены имена и концепции, уже раньше хорошо известные научной общественности. Секция I.1. – Этногенез славян – начиналась пленарным докладом В.В. Мартынова (Белоруссия) "Прародина славян. Лингвистическая верификация [отдельное издание: В. Мартынаў. Прападзіма славян. Лінгвістычная верыфікацыя. Мінск, 1998; Streszczenia. Jęz.: 33]. Автору нельзя отказать в последовательности, с которой он вот уже более тридцати лет отстаивает локализацию славянской прародины в бассейнах Одера и Вислы. Безусловно импонирует и его установка на лингвистическую верификацию (проверочное подтверждение). Хорошо ориентируясь и в славянском, и в германском языковом (лексическом) материале, он решил на этот раз привязать время и место искомых германо-славянских контактов к основанию Ютландского полуострова, не позднее V в. н.э. (ибо, как известно, уже в V веке англ и саксы переселились на Британские острова). Речь, таким образом, идет о славянских заимствованиях в древнеанглийском; тема, согласимся, звучит пикантно, но автор касается этимологически темных слов, и теоретически против его процедуры трудно возразить. Кроме, разве что, одного пункта. Мартынов и раньше признавал невыясненность (открытость) южных границ воображаемого висло-одерского ареала праславянства. И вот в ходе дискуссии по его докладу на съезде он получает вопрос-реплику (кажется, от Е.А. Хелимского): а почему вы думаете, что заимствования от славян к западным германцам состоялись тогда и там? Ведь известно, что в более древнее время германцы сидели значительно южнее, на Юге нынешней Германии, и могли воспринимать славянские влияния со Среднего Дуная. В таких случаях обычно пишут: "Оживление в зале". И, действительно, в тот раз так и было в аудитории секции I.1. Докладчик не ответил на это. Мои коллеги-информанты тоже почему-то не зафиксировали этот вопрос, так и повисший в воздухе. Я сидел и в дискуссии участия на сей раз не принимал (притом, что как раз я защищаю дунайскую прародину славян), и вообще это был – всего лишь штрих, но мне почему-то кажется, что ради такого штриха стоило и на съезд съездить.

О прародине славян говорили еще специально в один из последующих дней конгресса, говорили весьма традиционно и причем – каждый свое. Ф. Славский "Прародина славян [Z polskich studiów slawistycznych, seria IX. Językoznawstwo 1998: 277; Streszczenia. Jęz.: 182–183]: гипотетические воззрения, связанные с суждениями Я. Розвадовского и З. Голомба, – где-то "на север от Черного моря", и В. Маньчак (тоже – Польша) "О прародине славян [Streszczenia. Jęz.: 175]: последовательная защита висло-одерской концепции на основе подсчетов лексической близости текстов на языках, при полном игнорировании ареальной лингвистики и ономастики. Вопросов больше, чем ответов...

Упомянув об ономастике, к ней и перейдем, поскольку о ней удобнее говорить концентрично вокруг и в связи с праславянской проблематикой. Это во многих случаях оправданно хронологически, это диктует и тематика ряда наиболее заметных съездовских докладов: К. Рымут (Польша) "Праславянская ономастика" [Onomastica XLII, 1997: 11; Streszczenia. Jęz.: 321]. Автор в широкой степени учитывает трактовку праславянских двуосновных личных собственных имен как цельных образований, а не только их корней в практике московского ЭССЯ. Ю. Удольф (Германия) в своем обширнейшем докладе "Древнеевропейская гидронимия и праславянские водные названия" [Onomastica XLII, 1997: 21–70; Streszczenia. Jęz.: 322] от своего предыдущего

представления территориально ограниченной прародины славян постепенно перешел к концепции весьма обширного гидронимического ареала "между Припятью, Карпатами, Днестром и нижней Вислой". Вообще на съезде была очень достойно представлена заслуженная польская ономастика, ср. еще А. Цесликова (Польша) "Праславянские антропонимические апеллативы" [Onomastica XLII, 1997: 129; Streszczenia. Jęz.: 322–323]; Э. Жетельска-Фелешко (Польша) "Изменения в ономастике в XX веке (контролируемые и неконтролируемые, универсальные и специфические польские)" [Streszczenia. Jęz.: 181–182]. Риска оставить так и не названными остальное большинство ономастических докладов, отразить которые адекватно было бы трудно, если вообще возможно ввиду их разбросанности и тематической пестроты, я позволю себе отослать читателя к специально составленному отчету "Ономастика на XII МСС" А.В. Супера-ранской, которая любезно предоставила мне его для ознакомления и предположительно опубликует его в журнале "Русская речь".

И все же остановлюсь особо на привлечшем большое внимание участников, богатом материалом, проблемно насыщенном и наглядно объединяющем древнее наследие и современное состояние народной культуры в области антропонимии – докладе покойного Н.И. Толстого и С.М. Толстой "Имя в контексте народной культуры" [Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII МСС. М., 1998: 88; Streszczenia. Jęz.: 215–216]. В оживленной дискуссии было высказано замечание, что, при всей универсальности номинации (вспомним еще гомеровское: "Между людьми не бывает никто безымянным". Од.), все же проскальзывает одно заметное исключение – феномен безымянность как имя, когда нарочитая безымянность закрепляется за отверженцем общества, преступником как его знак (О.Н. Трубачев. Библийские статьи из Русской энциклопедии: *Варавва* [Palaeoslavica. Boston/Massachusetts, 1997, V: 327]).

После широких филологических, а также главным образом сравнительно-исторических, этимологических и смежных с ними наблюдений по работе XII МСС попробуем остановиться на одном из ярких выступлений специалистов по современному сопоставительному, описательному языкознанию. Я имею в виду коллективный доклад: Е.А. Земская, О.П. Ермакова (Россия), З. Рудник-Карват (Польша) "Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков)" [Славянское языкознание. XII МСС. Докл. рос. делегации. М., 1998: 296; Streszczenia. Jęz.: 224]. Речь идет о новых процессах интернационализации, активизации соответствующих формантов и моделей, в целом – об исключительно новых тенденциях, в духе все того же роста аналитизма и черт агглютинативности. Кое-какие примеры приводятся, вроде препонируемых английских *шоп-, топ-, шоу-, брейк-*, но их могло быть гораздо больше, причем из числа, казалось бы, самых возмутительных и вместе с тем внедряемых через СМИ ежедневно, ежечасно: вспомним англоподобные *ленор-белье, памперс-ребенок* из телереклам да и тот же *Горбачев-фонд*. Они и им подобные производят впечатление совершенно чужеродных, неадаптированных слепков с английского, ср. там вполне регулярные сложения *body-building, shorttour* и др. По нашей памяти их гуляет уже довольно много, ср. напр. *арт-рынок, кэш-память*, см. еще доклад М. Думитреску (Румыния) "Транзитный период в обществе и отражение фактов и процессов на уровне лексики русского языка" [Romanoslavica XXXV, 1997: 233; Streszczenia. Jęz.: 227]. Конечно, здоровое движение души и хороший языковой, филологический вкус подсказывают нам без колебаний осудить эту макаронистику. А дальше следует самое курьезное: именно сравнительно-сопоставительный фон и более или менее широкая языковая компетенция, на которые мы готовы опереться в своем справедливом пуризме, остужают наше рвение, предоставляя свидетельства совершенно аналогичных образований с достаточно раннего времени практически у всех славян на уровне народной речи, вспомним в первую очередь такой агглютинат, как *белозер-палтус-рыба* из знаменитой старинной русской "Повести о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове". Вполне почтенны аналогичные

примеры из истории других славянских языков и культур. Ср. аналогичное сербск. *арзан свиећа* 'толстая свеча в дар церкви от корпорации торговцев' (см. Огледна свеска. Београд, 1998: 4). Во всех таких случаях в первом компоненте сложения – агглютинат, обычно – заимствование (*палтус-рыба*, *арзан свиећа*). Дабы утверждение о причастности к этому типу гибридного словообразования "всех" славян не показалось голословным, еще один – западный – пример из старого серболужицкого фольклора: в.-луж. *lindyr drasta*, *lindyr suknja* 'лондонское платье' (Смолер, народные песни, XIX век [H. Schuster-Šewc "Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache". 1982, 11. Hft., S. 847]). Таким образом, если есть тут, действительно, элементы "английскости" или "языковой игры" в английское (см. Дж. Данн (Великобритания) «О функциях "английского" в современном русском языке» // *Streszczenia. Jęz.*: 332), то необходимо считаться и с другими элементами – заложенной в самом языке предрасположенностью к образованиям такого рода.

В заключение нельзя не отметить очень живого и деятельного участия румынских коллег, на некоторые их доклады, впрочем, мы бегло указали уже ранее. Разумеется, румын-славистов занимает как особая позиция Румынии посреди славянского языкового мира, так и вытекающая отсюда роль румынской культуры и румынского языка. Ср. специально доклад М. Миту «О понятии так называемого "неславянского посредника между славянскими культурами" (на примере румынской культуры)» [*Romanoslavica XXXV*, 1997: 185; *Streszczenia. Lit.*: 217]. В остальном – во многом – пафос румынских съездовских исследователей сводится к кропотливым поискам румынских вкраплений (глосс) в иноязычных, в том числе славянских, текстах, актуальных ввиду очень позднего начала собственно румынской письменности. Сюда относятся и этимологии (в общем единичных) лексических румынизмов, например, в ст.-слав. *авик*, если из рум. *abi* (соврем. рум. *abia*), в конечном счете – из лат. *ad-vix*. Эту этимологию, восходящую к А. Вайяну, приводят два румынских докладчика – уже упомянутый М. Миту и Г. Михаила в докладе "Славяно-румынские грамоты и другие письменные памятники как источник для истории румынского языка (вторая половина IX в. – 1520 г.)" [*Romanoslavica XXXV*, 1997: 15].

Так прошел XII Международный съезд славистов, свой обзор которого мы всячески стремились не превратить в перегруженный всеми фактами и именами отчет. Что предпочтительнее – другой вопрос, но нам показалось важнее выделить главные впечатления и остановиться на основных уроках съезда.

Напоследок – о торжественном акте съезда. Наш старинный немецкий коллега, родом серболужичанин, профессор эмеритус Лейпцигского университета, вернувшийся в родную деревню под Будишином, но не порывающий с наукой, автор превосходного "Историко-этимологического словаря верхне- и нижнелужицкого языка" Хайнц (Генрих Эрнестович) Шустер-Шевц был и на этом съезде в отличной научной форме, выступил с докладом "Позднепраславянские инновации и их отражение в структуре изоглосс серболужицкого". Главное же – на торжественном акте 31 августа 1998 года в помещении Большой коллегии (*Collegium Maius*) Ягеллонского Краковского университета, где в свое время Х. Шустер-Шевц учился студентом, ему было присвоено звание почетного доктора (*honoris causa*) этого славного университета.

Красивый, старый Краков, думаю, дополнительно обогатит такая неповседневная акция, как проведение XII МСС, смягчив и немного оттеснив заливающий и эти старинные стены современный стандарт, поп-арт с рекламой массовой продукции. Ненадолго, впрочем... Наши пленарные заседания проходили в самом вместительном зале, в кинотеатре "Киев". И не успело отшуметь последнее из них, как у нас на глазах с "Киева" убрали эмблему съезда и вновь водрузили рекламу фильма ужасов "Годзилла"...

- Крысько В.Б. 1998 – Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // ВЯ. 1998. № 3.
- Трубачев О.Н. 1998 – Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду // ВЯ. 1998. № 3.
- Picchio R. 1998 – Open questions in the study of the "Orthodox Slavic" and "Roman Slavic" variants of Slavic culture // Contributi Italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti. Napoli, 1998.
- Слав. филология – Славянска филология. Т. 22. Доклади за XII Международен конгрес на славистите. София, 1998.
- Slavistica Vilnensis 1998 – Slavistica Vilnensis [Kalbotyra 47 (2)]. XII Международный съезд славистов. 1998.
- Streszczenia. Jęz. – Streszczenia referatów i komunikatów. Językoznawstwo. XII Międzynarodowy kongres slawistów / Oprac. J. Rusek, J. Siatkowski, Z. Rusek. Warszawa, 1998.
- Streszczenia. Lit. – Streszczenia referatów i komunikatów. Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Nauka o kulturze. XII Międzynarodowy kongres slawistów / Oprac. L. Suchanek, L. Macheta. Warszawa, 1998.
- Wollman S. 1998 – Slovanská filologie 1998 // Česká slavistika. České přednášky pro XII. Mezinárodní sjezd slavistů. Krakov 27.8 – 2.9.1998. Praha, 1998.